

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

**Читайте романы
ТАТЬЯНЫ УСТИНОВОЙ
и ПАВЛА АСТАХОВА
в серии «Я – СУДЬЯ»:**

**БОЖИЙ ДАР
КРЕДИТ ДОВЕРЧИВОСТИ
КРАСОТКА**

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
ПАВЕЛ АСТАХОВ

КРЕ ДИТ

ДОВЕРЧИВОСТИ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Разработка серийного оформления *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 **Кредит доверчивости : роман / Татьяна Устинова, Павел Астахов. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.**

ISBN 978-5-04-104588-3

Тема, затронутая в новом романе самой знаковой писательницы современности Татьяны Устиновой и самого известного адвоката Павла Астахова, знакома многим не понаслышке. Наверное, потому, что история, рассказанная в нем, очень серьезная и болезненная для большинства из нас, так или иначе бравших кредиты! Кто-то выбрался из «кредитной ловушки» без потерь, кто-то, напротив, потерял многое — время, деньги, здоровье!.. Судье Лене Кузнецовой предстоит решить судьбу Виктора Малышева и его детей, которые вот-вот могут потерять квартиру, купленную когда-то по ипотеке. Одновременно ее сестра попадает в лапы кредитных мошенников. Лена — судья и должна быть беспристрастна, но ей так хочется помочь Малышеву, со всего маху угодившему разом во все жизненные трагедии и неприятности! Она найдет решение труднейшей головоломки, когда уже почти не останется надежды на примирение и благополучный исход дела...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104588-3

© Астахов П., Устинова Т., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Законы нужны не только для того, чтобы устрашать граждан, но и для того, чтобы помогать им.

Вольтер

Пятно на потолке очертаниями напоминало Австралию.

Еще вчера оно пульсировало мутной водой в районе Сиднея, а сегодня успокоилось, подсохло и приобрело весьма благообразный вид далекого континента.

Надежда Степановна залила нас четвертый раз...

Я, конечно, немедленно сообщила ей эту радостную новость, но соседку, живущую этажом выше, она не впечатлила.

— Капремонт в доме когда последний раз делали? — попыхивая мне в лицо сигаретным дымком, спросила она.

— Не знаю, — честно призналась я.

— А вот я знаю. Наш дом аварийный. Практически... Впрочем, хотите триста рублей за побелку?

Триста рублей меня не спасли бы, поэтому я сказала, что не хочу.

— Ну вот и ладненько. — Надежда Степановна стряхнула пепел за порог, к моим тапкам. — Я знала, что мы по-хорошему договоримся. О'ревуар!

— О'ревуар, — пробормотала я хлопнувшеюся у меня перед носом двери.

Конечно, можно было поскандалить с соседкой и доказать, что она залила меня вовсе не из-за то-

го, что дом аварийный, а по собственной халатности, но...

Но даже если Надежда Степановна оплатит мне стоимость натяжного потолка, проблему это не решит.

Спустившись в квартиру, я прошлась по комнате, заглянула на кухню и в ванную, обследовала узкий коридор...

Обои свисали кое-где клочьями, линолеум от старости пошел трещинами, словно земля после засухи, краска на стенах в ванной вздыбилась пузырями, и пузыри эти периодически лопались, обнажая темное устрашающее нутро...

Что там какая-то Австралия на кухонном потолке... Мелочь. Пустяк, который в масштабах общего разрушения не имеет никакого значения.

Я налила себе чай и задумалась.

Так больше жить нельзя. Такие квартиры, как у меня, показывают в сюжетах о неблагополучных семьях — тут подтек, там сломано, здесь ободрано...

Сашка неделю назад мне сказала:

— Мам, мы живем как бомжи.

Тогда я обиделась, а теперь поняла — мы живем как бомжи, это установленный факт. И Надежда Степановна тут ни при чем.

Нужно делать ремонт — срочно, немедленно, пока на голову не посыпалась штукатурка, пока сантехника окончательно не пришла в негодность, а стены в ванной не заросли черной плесенью от постоянной, душающей влажности, свойственной старым, «практически аварийным» домам...

Я допила чай, налила еще чашку, но, отставив ее, опять прошлась по квартире, прикидывая, в какие

деньги мне обойдется хотя бы минимальное устранение следов «аварийности» в моем жилище.

Получалось — в немалые...

Даже если не покупать кафель, не менять двери и окна, то сантехника, новые трубы, линолеум, обои и краска вылетят в копеечку... Плюс оплата рабочим, потому что сама я линолеум не постелю, а уж тем более трубы не поменяю.

Стало вдруг до слез обидно — ну почему я должна вкладывать кровно заработанные в служебную квартиру? Почему должна менять казенные трубы, казенную сантехнику, стелить на казенный пол свой линолеум?..

Словно в насмешку над своими нерадостными мыслями, споткнулась о загнувшийся край линолеума, едва не упав.

Забытый на столе чай безнадежно остыл, и я раздраженно вылила его в раковину.

Вывод напрашивался один: пока Сашка изучает язык в английской семье по программе международного обмена школьников, мне нужно сделать хотя бы самый дешевый ремонт — побелить, покрасить, наклеить обои, содрать старые клочки линолеума и постелить новый.

Ничего, без рабочих справлюсь, по выходным начну отдирать обои и сбивать старую штукатурку... Ну, в будни — по вечерам — напишу пару статей в «Вестник РГГУ», а на гонорар куплю шикарный тюль и портьеры из тяжелой струящейся тафты вместо простых голубых занавесок.

А трубы в казенном доме пусть дальше ржавеют, гниют и разваливаются, шут с ними. Меня это не касается, я просто приобрету специальный состав от

плесени и обработаю в ванной стены — кажется, есть такой, я где-то слышала...

Я вдруг почувствовала отчаяние и обиду — оттого что квартира служебная и глупо затевать полноценный ремонт, оттого что Сашка так далеко и не может прямо сейчас сказать: «Мам, не расстраивайся, ведь главное — нам не приходится снимать за бешеные деньги жилье», оттого что... на потолке, в районе Сиднея, снова набухла и грозит разразиться потоком мутной воды крупная, размером с грецкий орех, капля...

Я схватила тазик, поставила его под Австралию и, снова споткнувшись о злосчастный край линолеума, побежала к Надежде Степановне.

Она открыла дверь, по-прежнему попыхивая сигаретой, с чашкой кофе в руке. Макияж и прическа у соседки были такие, будто сейчас не семь утра, а десять вечера и она собралась на великосветский прием.

— Все, все, воду я уже перекрыла и аварийку вызвала, — поспешно сообщила Надежда Степановна. — Свищи в трубах! Дом-то аварийный, как ни крути...

Она захлопнула дверь, а я поплелась вниз, ощущая новый прилив горечи и раздражения. Казенный дом — с жильцов взятки гладки. Бели не бели, Австралия на моем потолке поселилась, похоже, навсегда...

Я мысленно представила, как Сашка говорит мне: «Не грузись, мам!» Универсальный рецепт для всех жизненных неурядиц — «не грузись!». Главное, все живы, здоровы...

Стараясь выбросить из головы мысли о предстоящем ремонте и «вечном потопе», я села перед зеркалом — до работы оставалось всего ничего, и нужно было привести себя в порядок: причесаться, на-

краситься и ликвидировать следы озабоченности на лице... Пудра, тушь и немного губной помады всегда были гарантом хорошего настроения. Но как я ни старалась в этот раз, мысли все равно возвращались к бытовым проблемам, тем более что на кухне вода все еще звонко капала в таз.

Вот если бы у меня была своя квартира... Если б своя!

Я внимательно всмотрелась в свое отражение в зеркале. Неужели такое когда-нибудь будет? У меня — собственная квартира. Свои окна, свои двери, свои стены, свой потолок и пол. Соседи свои, а не служебные, пыхтящие сигареткой...

И дом, нисколючки не аварийный, а надежный, крепкий, практически новый дом, которому еще долго не понадобится капитальный ремонт. Без плесени в ванной, без пузырящейся краски на стенах, без свищей в трубах, без перекошенных дверей...

Завороженная этой мыслью, я забыла накрасить глаза, взяла сумку и вышла из квартиры, почти ненавидя этот узкий коридор и заедающий замок. А ведь еще недавно я радовалась служебному жилью как подарку судьбы... Еще недавно я подсчитывала сэкономленные на съеме жилплощади деньги и обещала Сашке: «Теперь заживем!»

Своя квартира — не роскошь, а жизненная необходимость, как воздух, вода, еда, любовь близких...

У меня, конечно, не семеро по лавкам, но жизнь не стоит на месте. Вот выскочит Сашка через несколько лет замуж, и что?

Я замерла у машины, представив, как прекрасный, но бедный юноша — не сомневаюсь, что Сашка выберет именно такого, — поселится на тридцати квадратах служебной площади и будет путаться у ме-

ня под ногами, разумеется, полуодетый, и занимать ванную, разумеется, на час, и, не дай бог, петь там дурным голосом, и, разумеется, лазать в мой холодильник за борщом и котлетами, и щелкать каналами, заняв на диване мое любимое место.

А потом непременно родится внук или внучка. А может быть, оба сразу или один за другим... Им тоже понадобится жизненное пространство, и не бабушкино, и уж тем более не служебное, а свое — свое! Где разрешат рисовать на обоях картины, разбрасывать игрушки, играть в догонялки и прятки, завести наконец собаку и куда без стеснения можно пригласить на день рождения друзей, чтобы весело задуть на праздничном торте свечи...

Я решительно села в машину и завела со злостью движок.

Не хочу прекрасного, но бедного юношу на своей территории.

Не хочу, чтобы внуки, близняшки или погодки — я почему-то решила, что именно такими они и будут, — ютились на тридцати квадратах служебной площади без перспективы иметь собственную комнату, завести собаку и пригласить друзей...

У Сашки должен быть свой угол, свое жилье, она не должна ни от кого зависеть — ни от меня, ни от юношей, — она должна быть свободной и уверенной в завтрашнем дне. И пусть я не очень хорошая мать — вечно занятая работой, вечно спешащая и опаздывающая, приходящая поздно и уходящая рано, — но квадратные метры личного счастья я обязана ей обеспечить.

Ремонт я, конечно, сделаю — недорогой.

Но... почему бы мне не попробовать взять ипотечный кредит?

Выкручиваются же люди, зарабатывают на квартиры. Чем я хуже? Ежемесячный взнос будет чуть больше той суммы, что я платила за съемное жилье, значит, сам бог велел воспользоваться тем, что мне дали служебную жилплощадь, и вполне можно вложить освободившиеся деньги в ипотеку...

Придется затянуть пояса — и мне, и Сашке, — но ради такого...

Я вырулила на проспект, переключилась на третью передачу, но «Хонда» шла тяжело, с натугой — будто груженный «КамАЗ» на буксире тащил. То есть на первой передаче она еще кое-как ехала, а на второй и третьей упиралась, как упрямый осел. Солнце нещадно палило, несмотря на раннее утро, это грозило закончиться, как пить дать, перегревом движка и закипанием радиатора.

После ремонта с моей «Хондой» случались поломки, которые, как говорится, «на скорость не влияли», а тут вдруг что-то решительно повлияло.

Я перестроилась в правый ряд и притормозила у обочины. Вышла из машины и повела себя в соответствии со всеми анекдотами на тему «женщина за рулем» — попинала колеса, протерла зеркала заднего вида.

Ипотека...

Какая уж тут ипотека, когда все рушится, валится, протекает и ехать не хочет. Давно надо было забить в мобильник номер эвакуатора, да все руки не доходили...

Вот, допрыгалась.

Вздохнув, я открыла капот. С таким же успехом я могла бы заглянуть в атомный реактор, чтобы предотвратить расплавление топливного стержня. Внутренности «Хонды» наводили на меня почти свя-

щенный ужас, максимум, что я могла, — проверить уровень масла и ремень генератора. И то и другое оказалось в норме, на месте, в порядке...

Выхода было два — или ползти до работы на первой передаче с риском воспламениться, или искать номер эвакуатора. Впрочем, эвакуатор мог заменить один человек, он давно ассоциировался у меня со службой спасения.

Я достала телефон и позвонила.

— Константин Сергеевич? Кажется, мне опять нужна твоя помощь...

— Проблемы? — громыхнул сзади раскатистый бас.

Я оглянулась и увидела гаишника размером с Кинг-Конга.

— Потом перезвоню, — шепнула я Таганцеву в трубку и отключилась.

— Я говорю, барышня, вы чего посреди дороги-то раскорячились, движению мешаете? Проблемы?

Я хотела объяснить, что я не барышня, а судья, что я не «раскорячилась» посреди дороги, а прижалась к обочине, что техосмотр и страховка у меня в порядке, машину не угнала, она просто ехать не хочет, что...

Вместо этого я пробормотала нечто невразумительное.

— Понятно, — кивнул гаишник и, согнувшись в три погибели, нырнул под капот. — Не «Бентли», конечно, но ехать должна, — задумчиво сказал он, осмотрев внутренности «Хонды».

— Не хочет, — пожаловалась я, заметив сочувствие в его взгляде. — То есть на первой еще кое-как, а на второй и третьей...

Я села за руль и продемонстрировала, как едет моя машина. Вернее, как не едет.

Когда я остановилась, гаишник с трудом протиснулся в салон.

— С ручника пробовали снимать? — он с жалостью посмотрел на меня.

— А... э-э... то есть... как... разве?.. — промямлила я.

— Попробуйте. Легче пойдет.

Он вылез из машины, козырнул и ушел, небрежно постукивая полосатым жезлом по ноге. Его широкая спина и бритый затылок выражали презрение...

Я достала из сумки мятный леденец и сунула под язык.

Мысли об ипотеке и ремонте так выключили меня из действительности, что я метров пятьсот ехала на ручнике.

Хорошо еще, что эвакуатор не вызвала.

А еще лучше — не успела Таганцева вызвать. Это был бы номер. Разговоров до конца дней моих скорбных!..

Я отжала ручник, тронулась с места и без труда вписалась в поток. «Хонда» больше не упиралась, легко маневрировала и набирала скорость.

Что ж, как минимум траты на ремонт если не исключаются, то откладываются на неопределенный срок.

Едва я привыкла к этой счастливой мысли, как перед глазами всплыла рекламная растяжка: «Новые квартиры в ипотеку в Павшинской пойме. Время брать! Низкие ставки. Бесплатное рассмотрение и досрочное погашение».

Я почувствовала, как сердце учащенно забилось, и ударила по тормозам.

Вот почему, стоит только о чем-то подумать, как напоминание об этом начинает подкарауливать тебя на каждом углу, словно провоцируя — сделай это, сделай! Не думай, не просчитывай риски, просто сделай — и все, а там видно будет...

Время брать! Время брать... Сорок квадратов, нет, шестьдесят или семьдесят — с расчетом на Сашку, ее полуобнаженного юношу и риск появления внуков. Учитывая, что я сама еще крест на своей личной жизни не поставила, лучше бы сто двадцать квадратов, но это из области фантастики — сто двадцать я не потяну, даже учитывая низкие ставки.

В Павшинской пойме купили недавно квартиру мои друзья Машка с Павликом. Хвастались — и воздух там чистый, и дороги хорошие, и лифт всегда работает, и ТСЖ — честное-пречестное! — не дурит, не мухлюет, благоустройством территории занимается.

Ну почему мне попала реклама квартир именно в этой пойме! На другую я, может, и внимания бы не обратила.

...Я очнулась от того, что водители истерично сигналили мне и, проезжая мимо, стучали себя по лбу. Оказалось, я еду посреди полосы со скоростью двадцать километров в час. Стоило с ручника сниматься...

Я поддала газу и перестроилась в левый ряд. В сумке разрывался мобильник: наверное, Таганцев хочет уточнить, какого рода помощь мне нужна. Я решила не брать трубку — врать не хотелось, а честно признаться, почему звонила, смелости не хватало. Рассосется как-нибудь и само собой пройдет, как любит говорить моя подруга Маша. Таганцев замотается и забудет, что я просила у него помощи.

* * *

«Время брать!» — стучал молоточками в голове рекламный слоган, когда я парковалась возле здания суда рядом с блестящим на солнце «Фольксвагеном» своего помощника.

«Да, Димка, наверное, никогда не забывает снять своего коня с ручника, — с грустью подумалось мне. — И ремонт у него идеальный... И ипотека ему не нужна, потому что квартиру родители подарили!

Ну и пусть, — размышляла я, втискиваясь в узкую щель, — зато Дима не взбодрится, как я, от рекламного слогана «Время брать! Низкие ставки...» То, что легко достается, не ценится, и мой помощник наверняка не ощущает эйфории от того, что живет в собственной квартире, ездит на новой машине и ему не надо ликвидировать Австралию на потолке.

Я с трудом вылезла из машины, стараясь не свернуть зеркало на «Фольксвагене». Если Дима захочет съездить куда-нибудь в течение рабочего дня, он, пожалуй, не сможет открыть дверь.

Я задумалась — не перепарковать ли, нельзя же парню такие трудности создавать. И тут в сумке снова зазвонил мобильный. К моему удивлению, на дисплее высветилось не «Таганцев», а «Натка» — моя сестра.

— Ленка, я погибла, — трагически сообщила она, едва я успела снять трубку.

Погибала Натка с регулярностью два раза в месяц, поэтому ее сообщение меня не впечатлило.

— Жена твоего нового кавалера грозитя оторвать тебе голову? — усмехнулась я, испытывая облегчение, что это не Таганцев.